

СТРАНИЦЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Яркая, замечательная жизнь крупнейшего пролетарского писателя самым тесным образом связана с городом, носящим теперь его имя. Здесь он родился, здесь прошли его детские годы, здесь, когда то, по смерти матери, скупой и сердитый дед ворчливо заявил внуку:

— Ну, Лексей, ты не медаль, на пее у меня—не место тебе, а иди-ка ты в люди!

Маленькие умирающие деревянные домики слобод и улиц, неузнаваемо изменивших свой облик, хранят память о любознательном и живом мальчугане, ставшем замечательным писателем, борцом и революционером.

Биография М. Горького представляет исключительный интерес, особенно для молодежи, учащихся, она ждет еще своего детального и подробнейшего изучения. И именно поэтому, мы считаем необходимым привести здесь несколько рассказов людей, лично знавших Горького, некогда друживших с ним, свидетелей его роста.

В маленьком домике Канавина на Коммунистической улице живет **Иван Максимович Сапожников** — старый производственник и ударник бригадир — маляр Канавинского трамвайного парка. Много лет назад Максимыч бегал с товарищами по улицам слободы, ходил в школу, собирал кости. Одним из хороших друзей Максимыча был Алеша Пешков, живший с матерью почти рядом с теперешним домом Сапожникова.

Угощая нас своим особым чаем из трав, за которыми старик ходил за двадцать километров, показывая старые бумаги и книги, Иван Максимович рассказывает:

— Помню, сильно дружили мы. Водили компанию: Мячин Васька, Алешка Пешков, Федька Камзолка, Васька Камзолка, Гришка Чурка, да я... Меня тогда еще Иваном Калугиным звали—по дедушке. Это уж позднее, когда в училище поступил, стала у меня фамилия натуральная—Сапожников.

Мы с Алешкой друзья были. Он вот тут—соседний забор, с матерью жил в бане. Нужда была здоровая... Бывало пойдем с ним за спальный завод рыть кости на Кобыльей яме. Высокий такой бугор из песка так назывался. Нароем мешок костей, сядем на мешок-то да с торы по песку и с'елжаем сажень на двадцать вниз. Давали нам скупщики по двугривенному за пуд. Вместе с Алешей и учились мы в одной школе. Здесь же, на нашей улице, частное училище было. Отставной офицер Иван Андреевич Молниев держал и учил самолично. Звали мы его промежду себя «бритая губа». На ту пору никто не брился—бороды отпускали, а он постоянно бритый ходил. Он знал про прозвище это, злился—беда!

С Алешей в училище интересный случай произошел. Один раз ушел на перемену Молниев к себе—на верх (он во втором этаже жил), а Горький взял мелом да на двери и стал писать стихи:

Дверь отворяется,
Бритая губа является
С учениками ругается...
И еще что то... Это он про самого Молниева писал. Пишет, а Молниев идет...
— Это что такое? Твоя шределка!

Позеленл весь от злости и говорит:
— Недоброжелательный мальчик ты!
Можешь идти и в школу больше не являйся.

Так и исключили Алешу из школы Молниев.

После того немного времени прошло. Вышла мать замуж за кассира железной дороги Максимова, а Алеша один переехал к деду на Ковалиху.

Здание училища то и сейчас цело, только уж дом теперь здесь—более сорока лет училища не существует.

Мне и позднее приходилось встречаться с Алексеем Максимовичем. В 1913 г. на ярмарке в Бразильском пассаже видел его. А в последний приезд писателя в Нижний снова встретились, да его затормозили, и опять побеседовать не пришлось.

Есть у писателя в «Детстве» воспоминание об одном Уговарице — Гришке Чурке. Это большой друг мой был. Вместе мы на охоту с ним ха-

Дом братьев Кашириных.

живали. Здоровый до чего был — просто ужас! А погиб из-за пустяка. Поехали мы на охоту в Сокольск, Юрьевецкого уезда—на озера. На первой зорьке выходим из шалаша — смотрю, низко, низко гуси летят... Я и кричу—гусей, гусей-то что!

А у нас ружья были заряжены, в кустах лежали... Подбежал Чурка к кусту, схватил правой рукой ружье за дуло, потащил его, веткой задело затвор, прохнуло ружье гусиной дробью—прямо Чурке в плечо. Промыл я ему рану, поехали домой. Здесь в Ка-

Семья Кашириных. В центре михаил Васильевич, рядом Александр Васильевич, стоит Константин Михайлович Каширин — двоюродный брат писателя.

навивне и умер Гришка от заражения крови...

Приземистый домик Вокзальной улицы, Маленькая вывеска по фронтопу: «Братья Каширины»...

Этот дом некогда принадлежал цеховому старшине Василью Каширину —деду писателя. Здесь именно напутствовал внука дед, проводя параллель с медалью. Здесь в 1886 г. умер Василий Каширин... В этом доме живет и сейчас его внук, двоюродный брат писателя — **Константин Михайлович Каширин**, техник Канавинской телефонной станции. Ласковая одиннадцатилетняя Зина, дочь племянницы писателя Ольги Вл. Весовщиковой, встречает нас у двери. Мы слушаем любопытные рассказы о деду, о свадьбе племянницы писателя—Евг. Вл. Фроловой, о приезде Горького в Нижний в 1928 году.

Крупная, порывчатая от времени фотография отца К. М. Каширина показывает нам одного из героев «Детства» — буйного и воинственного дядю Михаила. Это единственная сохранившаяся фотография того времени.

Нина Алексеевна Ускова—работник Горьковской краевой больницы им. Семашко—познакомилась с А. М. во время его пребывания в Нижнем-Новгороде в 1900 г. через семью Штюрмер.

— Я познакомилась с Алексеем Максимовичем в доме на Петропавловской улице. Двери у него всегда были широко раскрыты для всех желающих видеть и побеседовать с ним. Тут можно было встретить и местную интеллигенцию различных направлений, и писателей—Скитальца, Чирикова, приезжал Л. Андреев и другие, артистов: Шаляпина, актеров МХАТ и студенческую молодежь.

— Какие споры и беседы бывали в его квартире! Иногда он затворялся в своем кабинете и писал. Тогда разговоры несколько стихали. Утомившись писать, он опять выходил, каждый раз внося новый под'ем бодрости и жизнерадостности.

Со мной на фельдшерских курсах училась моя подруга Лиза Шипкина. Очень хотелось ей поступить в медицинский институт, а средств никаких не было. Узнал об этом Алексей Максимович и решил обеспечить ее материально на все время ученья.

Надо было видеть, с какой деликатностью, с какой чуткостью просил он принять от него эту помощь для продолжения образования.

Помню день отъезда А. М. из Нижнего 7 ноября 1902 г. На вокзале собралась громадная толпа провожающих. Молодежь пела революционные песни вплоть до того, как тронулся поезд. А через несколько дней многих из нас попросили в жандармское управление. Допрашивал жандармский офицер Познанский.

В квартире Н. А. Усковой висит крупный снимок А. М. Горького с такой подписью:

«Неиссякаемому источнику жизнерадостного смеха—Нине Александровне Рукавишниковой на память от А. Пешкова. 7 ноября 1901 г.»

С. ОРЛОВ.